

Э.А. Синецкая*

Некоторые социальные явления пореформенного Китая в свете политики «открытости»

АННОТАЦИЯ: Политика «открытости» повлияла не только на реформирование международных отношений (для чего и задумывалась). Она проявилась во многих сферах жизни КНР. Новая китайская литература пореформенного Китая, сама являющаяся продуктом, в том числе, политики «открытости», свидетельствует о социальных изменениях, происходящих после начала реформ в КНР, в том числе об изменениях в стратификации китайского общества и образа жизни современных китайцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Политика «открытости», новая китайская литература, пореформенные социальные явления.

Начавшиеся в КНР реформы (называемые ранее реформами Дэн Сяопина), естественно, должны были привести прежде всего к реформированию экономики, в том числе к интенсификации производства. Что касается политики «открытости», также заявленной в панда реформам, то она признавалась неотъемлемой частью новой экономической стратегии и понималась, прежде всего, как реформирование международных отношений. В беседе с японской делегацией на 2-й сессии Совета деятелей неофициальных кругов Китая и Японии 30 июня 1984 года Дэн Сяопин сказал: «**Нынешний мир** — мир широких сношений, Китай в прошлом был отсталым именно из-за своей замкнутости. После образования КНР нас блокировали, но в известной мере мы и сами держались замкнуто... Опыт, накопленный за 30 с лишним лет, свидетельствует о том, что вести строительство при закрытых дверях нельзя — не добьёшься развития» [31]. То есть,

---

* Синецкая Эльвира Андреевна, к.и.н., Отдел Китая Института востоковедения РАН, Москва, Россия. E-mail: elvirasin@mail.ru

«открытость» являлась прежде всего важнейшей составляющей новой экономической и напрямую связанной с ней внешней политики руководства КПК, отражающей понимание прочной связи возможностей модернизации Китая с включением страны в глобальные процессы материального и, в том числе, духовного развития всего мира. Но удалась ли реформы, по словам Дэн Сяопина, можно определить по следующим основным (в сущности — экономическим) критериям: есть ли подтверждения того, что преобразования способствуют развитию производительных сил, усилению мощи страны, повышению уровня жизни населения [6, с. 710]. За четверть века валовой внутренний продукт Китая увеличился в шесть раз, личное потребление на каждого жителя — в три с половиной раза. До начала реформ 250 миллионов китайцев были не в состоянии прокормить и одеть себя. Ныне число людей, находящихся на уровне абсолютной бедности, сократилось с 25 до 3 процентов населения. Появилось 250 миллионов человек, способных приобретать товары длительного пользования [1, с. 12]¹.

При этом хотелось бы отметить, что «открытость» проявлялась не только в международных вопросах и экономических достижениях. Открытость стала и характерной чертой многих явлений во всех сферах внутренней жизни страны, протекавших в этот период реформ. Определённая сцепленность между чисто, казалось бы, экономическими явлениями и прочими сферами жизни страны «имела место быть», хотели этого идеологи реформ или нет.²

В том числе, значимый период в китайской истории новейшего времени (с декабря 1978 года, то есть с III пленума ЦК КПК 11-го созыва, и до событий 4 июня 1989 года на площади Тяньаньмэнь) является значимым и в китайской литературе. Это стало следствием определённого ослабления тоталитарной власти, появления некоторой свободы слова, относительной демократизации политической и общественной жизни, открытости западному миру и в культурном отношении, большей свободы творческой деятельности. В некотором смысле, этот период можно сравнить (как бы ни «хромала каждая аналогия») с периодом так называемой хрущёвской «оттепели».

Тот достаточно короткий промежуток времени именуется «новым периодом» развития китайской литературы и рассматривается

---

¹ Некоторые эксперты полагают, что успеху преобразований в КНР способствовали имевшиеся там определённые предпосылки, среди которых упоминалась и «культурная революция», «заметно пошатнувшая административно-государственные и хозяйственные институты» [13, с. 186].

² В этом случае, нельзя не увидеть определённого сходства с реформами ещё цинского времени и их последствиями.

как вполне самостоятельный и завершённый этап развития литературы, связанный, прежде всего, с возрождением гуманистических идеалов Движения 4 мая 1919 года, Движения за новую культуру. Основной характеристикой «нового периода» являлось восстановление разрушенных в ходе «культурной революции» человеческих ценностей, распространение западной литературы и эстетики, возникновение множества реалистических, промодернистских и модернистских направлений и групп. Очень интересны исследования А.Н. Желоховцева [7, с. 176–178] и К.В. Мажуриной [11, с. 258–269] о «литературе нового периода», называемой также и «литературой десятилетия». К. Мажурина приводит слова главного редактора газеты «Вэньхуй бао», считающего, что «одна декада, конечно, — просто капля в океане времени, но эта конкретная декада так важна для китайской литературы, что мы просто не можем сопоставлять её значение с её протяжённостью». При анализе этого явления опять звучат размышления, подобные произносимым в первые десятилетия XX века: «Кажется, что все перемены, которые происходили в западной литературе в XIX и XX веках, были сжаты в пространство этих десяти лет» (цит. по: [10, с. 259]). В «литературе нового периода» не могло не ощущаться духа борьбы за свободу реализации творческой индивидуальности, отрицания всего, что было довлеющим до и во время «культурной революции», не в последнюю очередь — классовости как определяющего принципа литературы, в ней были сильны тенденции к отказу от контрастных чёрно-белых красок в изображении героев, трафаретности героев, явно проявлялось стремление к сложности персонажей [10, с. 259]. И ещё одно заметное явление в этой литературе — женская проза. Некоторые считают, что расцветающее сочинительство среди женщин в современном Китае необходимо признать продолжением традиций Движения 4 мая — как разрыв с китайской конфуцианской традицией. Бытует, правда, и иное мнение, что роль женщин в этом движении в начале прошлого века весьма преувеличена, да и ныне женщинам приходится как бы заново прилагать большие усилия для преодоления глубоко укоренившегося предубеждения о преимущественном праве мужчин на ведение литературной деятельности [27, с. 218].

Что характерно, весьма скоро в так называемой женской прозе начались поиски «женской самости» (*нюйсин цзыво*), разговоры о необходимости противостояния давлению и несправедливости «мужского мира» по отношению к женщине, рассуждения на тему свободы в любви и браке (и в том числе — любви вне брака); зазвучала тема женского сознания, первооткрывательницей которой стала Чжан Цзе; заговорили на темы «проблемы полов» (*синбедэ сэцай*)

[10, с. 261]. То есть «женская литература» поднимала темы, уже имеющие непосредственное отношение к феминизму (и уже звучавшие в 20-е годы прошлого столетия), а стало быть, можно говорить о некотором возрождении в Китае феминистской идеологии. Одновременно происходят поиски элементов и традиционализма, и модернизма в ментальности современной китаянки [24, р. 31]. А в научных изданиях Китая стали интересоваться вопросами, есть ли женская литература в стране, *что* есть женская литература, есть ли отличие женской литературы от феминистской литературы, а также от литературы о правах женщин, и сравнивать всё это с европейскими примерами (см. к примеру статью Сюй Иньго в [23]).

Открытость проявлялась и в общественном обсуждении возникающих в обществе проблем. Вскоре после начала реформ остро встал вопрос сокращений на предприятиях. Это было прямым следствием изменений в экономике: стремление искоренить так называемую скрытую безработицу, когда число занятых вовсе не соответствовало потребностям производства, значительно превышая необходимое количество работающих. Как и следовало ожидать, прежде всего, это коснулось женщин, которых стали призывать вернуться в статус домашних хозяек. Это явно противоречило звучавшим ранее призывам, в том числе и к женщинам, выполнять свой гражданский долг и вносить свой вклад в «дело строительства Родины». Работающая женщина соответствовала положительному образу современной женщины, соответствовала политике партии. Но ведь не только экстенсивная социалистическая экономика (во всяком случае, она была таковой до недавних пор), но и материальное положение семей требует или делает желательным работу женщины. И именно это право женщины — право на труд в социалистическом государстве обычно соблюдается. Конечно, при этом замалчивались проблемы, возникающие в положении работающей женщины, а, стало быть, и в семейной жизни. Вовсе не исключено, что лица, представляющие государство и говорящие от имени государства, в силу своей ментальности просто не видели этой проблемы. А общественное сознание, не без воздействия пропаганды, зачастую также не обращало внимания на то, что жизнь женщины при совмещении традиционных (матери и жены) и новых ролей, связанных с социальной, профессиональной реализацией, всё более утяжеляется. При этом женщина по-прежнему остаётся на вторых планах в отношении зарплаты, карьеры, участия в общественной жизни [20, с. 21] Как говорят тайваньские феминистки, у женщин существует так называемый стеклянный потолок, то есть наличествует определённый уровень профессионального статуса, который женщинам практически невозможно преодолеть. Но бесспорно,

на бытовательском уровне все эти проблемы обсуждаются, как в женской части общества, так и в мужской, и весьма часто освещаются в китайских художественных произведениях. Прежде всего, были и есть сетования женщин в семье или среди подруг и коллег на усталость от совмещения работы и семейных обязанностей. Но и современные мужчины при этом часто сетуют на отсутствие полноценной, как представляется иногда, семейной жизни, когда, в том числе, возникает вынужденная необходимость выполнения мужчинами некоторых функций работающей (а тем паче — преуспевающей) жены, связанных с домашним хозяйством и воспитанием детей. То есть, все эти проблемы остаются практически на уровне «кухонных дебатов». А нередко в жизни равенство полов в определённой степени превращалось на практике в десексуализацию³, оставляя без существенных изменений, и даже определённо осложняя личностные отношения.

«Женский вопрос» в китайской специальной литературе на теоретическом уровне во второй половине XX века практически не разрабатывался, будучи «более ориентирован на практические аспекты» [21, с. 32]. По мнению немецких специалистов, равноправие женщины, законодательно закреплённое в Конституции КНР 1954 года, представляло собой «„социальную“ эмансипацию, то есть моральную легитимность и легальную возможность для обжалования [инцидентов] неравноправия полов» [26, S. 16]. В КНР не существовало женских организаций, независимых от партии, и таким образом, вся деятельность, как научная, так и общественная, была привязана к тогдашней политической линии КПК. Это «подразумевает лишь целенаправленные исследования, которые должны подтверждать политический авторитет Китая» [28, S. 111]. А вот целенаправленная пропаганда и агитация среди женщин всех слоёв и всех возрастов в самом широком смысле их прав отсутствовала. Однако сложность свободного выбора женщиной своей судьбы зависит не только от традиционного, глубоко укоренившегося в обществе взгляда на их место в обществе и семье, но, к сожалению, подобные же взгляды весьма распространены и среди самих женщин. При этом немецкий специалист в области положения женщин в КНР считает, что пережитки в области «женского вопроса» ещё остаются достаточно серьёзными на уровне общественного сознания не только с точки зрения социологии и культурологии, но и с точки зрения психологии. А женщина не освобождена, если не произошло её идеологическое и психологическое освобождение. Так что, весь «социум, и

---

³ *Ли Иньхэ*. Чжунго «фэйсинхуа» юй фунюй дивэй (Десексуализация в Китае и положение женщин) // *Чжунго фунюй бао*. 1992, 11. С. 3.

особенно женщина, не отдают себе трезвого отчёта о разнообразных пережитках по женскому вопросу, и сознательно не противостоят им» [29, S. 164]. Китайская специалистка вторит немецкой: «главное, что ограничены в понимании своей роли в обществе не только сами женщины, ограничено, к сожалению, их социальное окружение» [19, с. 10]. Но ведь, как писала тайваньская феминистка, бывшая после первых демократических выборов вице-президентом Китайской республики, «„новая женщина“ также естественно надеется „на нового мужчину“ и в этом смысле стремится к созданию „нового общества новых людей“» (*синь жэньсиндэ синь шэжуй*) [23, с. 155].

Итак, повторим, экономические реформы в первую очередь существенно повлияли на положение женщины в стране, приведя к их массовым увольнениям. Думается, это прежде всего касалось тех женщин, которые не имели специального образования и были заняты на простых, неквалифицированных работах. (Так, к примеру, в повести «Государственный заказ» Ван Шиюэ и поныне на небольшой частной швейной фабрике в основном цехе, за швейными машинами, работают только мужчины, а женщины заняты во вспомогательном, упаковочном [2, с. 201–251].) В результате возникших проблем в трудовой занятости женщин, в 1988 году в первом номере официального органа Всекитайской федерации женщин *Чжунго фунюй* было напечатано письмо некой уволенной с фабрики Ли Цзин «Где для меня выход?» (*Водэ чулу цзай нали?*). Именно с него и развернулись дебаты о противоречиях новой экономической политики в стране и оживающих (если быть ближе к истине — усиливающихся) традиционалистских тенденций в китайском обществе. Эта публикация явилась толчком к буму статей о судьбах женщины в современном Китае. Впервые в одном из центральных изданий женщина заявила вслух о своём недоумении перед так ярко выявившимся несоответствием заявленного в Конституции равноправия мужчин и женщин и так зримо и вдруг проявившейся дискриминации по полу в праве на труд в новых социально-политических условиях. (Традиционно в китайской печати стал рекламироваться как маяк резких изменений в стране, что не раз уже было, город Дацин, где 84% женщин, занятых в его промышленности, «добровольно» ушли с работы и возвратились к статусу домохозяйек. Об этом было сообщено на следующей странице вслед за письмом Ли Цзин в том же № 1 *Чжунго фунюй* за 1988 год.) Реформы, в том числе связанные с интенсификацией производства, как бы сразу заставили забыть и о праве женщин на труд, и о материальном благосостоянии каждой отдельной семьи. Но и одновременно, хотя и не сразу сподвигнули официальные органы пойти на сотрудничество с китайскими энтузиастами изучения «женского вопроса» и на

создание государственных научных структур, обратившихся к этой тематике. Срочно создавались некие общественные объединения женщин (а скорее, представляется, их некая имитация).

Отчасти такая, в том числе и публичная активизация «женского вопроса» в Китае совпала и с тем моментом, что в 1990 году решался вопрос о месте проведения международной конференции ООН по проблемам женщин, и Пекин настойчиво добивался (и добился) права принять на своей территории женщин всего мира. Стране, принимающей международный женский форум, должно было предъявить и публикации по заявленной проблематике, и кадры как теоретиков, так и практиков в этой области (надо было соблности имидж страны, уже более полувека тому назад прописавшей в своём основном законе равноправие женщин). Интересно, что несмотря на широкую подготовку и проведение международной Пекинской конференции 1995 года, весьма обширное участие китайской делегации на ней (и на форуме общественных организаций, проводившемся параллельно), проведённый в столице (месте прохождения международного форума, подчеркнём это) опрос по прошествии десятилетия к форуму ЮНЕСКО «Гендер и медиа» (прошедшему 12–14 января 2006 года в Китайском университете коммуникаций) показал, что лишь четверть респондентов слышала об этом международном мероприятии, а «что такое „гендерный мейнстрим“, известно лишь редким специалистам, хотя понятие вошло в мировую практику именно на этой конференции»⁴.

К началу нынешнего века сфера применения женского, в том числе и малоквалифицированного труда стала расти в связи с изменениями структуры экономики, ростом малого бизнеса и сферы услуг. Не исключено, что слабая пропаганда (если таковая вообще имеется) прав женщин, практическое отсутствие ознакомления, в том числе женщин, с правовой базой в сфере труда приводит к тому, что в обстановке весьма интенсивной миграции в пореформенном Китае женщины (к примеру, в Пекине 70% приехавших на заработки

---

⁴ «„Мейнстрим“ — это нечто уже устойчивое, традиционное, общепринятое. Это то, чему следует большинство. Для общества стабильного и благополучного мейнстрим — надёжная доминанта, на фоне которой могут развиваться альтернативные течения, оппозиционные тенденции» [41].

Этот пассаж про проведённый в Пекине опрос впечатлил при поездке в КНР на форум ЮНЕСКО «Гендер и медиа» специалистку по гендерным проблемам из Казахстана [35]. Хотелось бы для сравнения знать, какой процент российских и казахских женщин знает и про этот форум ЮНЕСКО, и про этот «гендерный мейнстрим»!

женщин в основном с незаконченным средним образованием), занятых преимущественно в сфере услуг, не имеют трудового договора, 17% работают без выходных, 27,6% — сверхурочно, как правило, без дополнительной оплаты⁵. К тому же, женщины не защищены от сексуальных домогательств на работе⁶.

При этом женщины с соответствующим образованием, по статистике, преуспевают заметно больше; так, например, на 2002 год примерно 50% специалистов в области науки и техники, 20% корпуса инженеров составляли женщины. Однако и в этих областях хватает «дискриминации и в сфере трудовых отношений», не говоря уже о том, что, скажем, «многие начальники не скрывают своего негативного отношения к декретному отпуску подчинённой»⁷.

В отношении мужчин, как показывает современная литература, изменения, казалось бы, происходят преимущественно в лучшую сторону: ослабление строгости в миграционных процессах помогает искать работу (и судьбу) в других местах, предлагает большой выбор приложения сил. Правительство страны принимает определённые меры, стремясь узаконить и в определённом смысле облегчить положение крестьян, мигрировавших в города и оказывающихся часто в весьма щекотливых ситуациях. Так, в повести «Государственный заказ» показаны мытарства мигрантов: всегда необходимо держать в кармане удостоверение личности и справку о временной регистрации, ибо дружинники патрулируют города с целью выявления лиц неработающих (а найти работу бывает не так-то просто) и с просроченными справками о временной регистрации. Скажем, в дождливую погоду дружинники проверяют и заброшенные дома, в которых могут укрываться мигранты, у которых нет работы, нет жилья, нет денег. Задержанный дружинниками мигрант должен заплатить штраф (весьма не маленький для человека в его положении — порядка 100 юаней) и быть препровождённым в приёмник-распределитель (думается, с последующей депортацией на родину) [2]. В декабре 2013 года на Всекитайской конференции по работе в деревне было заявлено о готовности «сделать 100 млн. сельских мигрантов, уже работающих в городах, горожанами в полном смысле слова», т.е. предоставить им вид на жительство в городах и облегчить

---

⁵ См.: Манухина О.В. Институт семьи и брака в Китае в период реформ и открытости (исторический аспект). М., 2007, с. 40 (на правах рукописи).

⁶ Привалов Дм. Полнеба на плечах. Женщины Поднебесной становятся вровень с сильным полом // Труд. 06.03.2002.

⁷ Привалов Дм. Полнеба на плечах. Женщины Поднебесной становятся вровень с сильным полом // Труд. 06.03.2002.

тем самым доступ к социальным услугам, финансируемым из местных бюджетов (медицинским, образования для детей и т.п.)⁸. Мигранты, однако, чаще всего оставляют семьи на родине⁹. До сих пор политика центральных властей заключалась в том, что вид на жительство предоставлялся мигрантам при наличии работы и постоянного жилья только в малых (до 300 тыс. жителей) городах. В некоторых более крупных городах и отдельных провинциях местные власти ещё в течение 2000-х годов принимали собственные нормативные акты с аналогичными условиями, но Пекином такие инициативы открыто не поддерживались. В марте 2014 года ЦК КПК и Госсовет КНР опубликовали «План урбанизации нового типа на 2014–2020 годы», согласно которому доля населения, живущего в урбанизированных районах, должна к 2020 г. достичь 60% (в 2013 году она составляла 53,7%). Но при этом предусматривается, что в 2020 году городскую регистрацию будут иметь только 40% «новых» горожан (в 2013 году — 35,7%), то есть остальные — это как раз и будут мигранты, прописанные на селе, но имеющие вид на жительство в городе¹⁰. В любом случае считается, что ускорение социализации мигрантов должно содействовать и росту их доходов вследствие ослабления дискриминации со стороны работодателей, и увеличению той доли доходов, которая идёт на потребление: предполагается, что укореняясь в городе, бывшие крестьяне будут тратить больше денег на обустройство жилья, на товары длительного пользования и услуги, у них ослабевают «предохранительная мотивация» к совершению сбережений.¹¹ В сущности, государство предпринимает эти шаги, не столько заботясь о мигрантах как таковых, сколько о росте потребительского спроса в стране, снижение которого препятствует на нынешнем этапе росту производства.

---

⁸ China Daily. 26.12.2013. Цит. по: *Мозиас П.М.* Экономика Китая: новые тревоги // Материалы XLV конференции «Общество и государство в Китае». М., 2015. С. 17.

⁹ Как явствует из современной китайской прозы, конечно, семья получает средства, необходимые для продолжения существования, для образования детей, но отсутствие мужчин не может не сказываться: растут без отца дети, нередки случаи, описанные в том числе и литературой, когда властные городские женщины, нередко сами мигрантки, брали мигрантов-мужчин на положение мужей, пресекая их былую семейную жизнь.

¹⁰ China Daily. 18.03.2014. Цит. по: *Мозиас П.М.* Экономика Китая: новые тревоги (на правах рукописи – статья подана для включения в Материалы XLV конференции «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 2015.

¹¹ Там же.

Положение страны можно оценивать разными способами. Наиболее привычный — ВВП (Валовой Внутренний Продукт). Можно говорить о золотом запасе страны и прочих данных по КНР — порой числа весьма впечатляют. Но наиболее, возможно, эффективный показатель — стратификация общества, ибо степень свободы социальных перемещений из одного социального слоя в другой, образования новых слоёв и прослоек во многом определяет то, каким является общество — закрытым или открытым. Дэн Сяопин с началом реформ призывал богатеть по мере возможности, не стесняясь при этом району ли, району ли или отдельному человеку как бы вырваться из общего ряда. **Неравенство** (в доходах, в отношении к собственности, к власти) является не только объективной данностью социальной жизни, но и важным источником социального развития, **единственным энергетическим источником развития общества**.

Реформа и политика открытости меняет, пусть весьма постепенно, но существенно, социальную структуру китайского общества, а не только сказывается на условиях существования традиционных социальных слоёв, так называемых «классов». После начала реформ в стране формируются различные группы идентичностей по определённым ценностным ориентирам и образу жизни, создаётся новый тип жителя страны, конечно, прежде всего, — горожанина, даже если иногда и не горожанина в полном смысле, то обустроившегося в городе мигранта. (Впрочем, определённое социальное расслоение наблюдается и в сельской местности. Некоторые сельчане «на лишние деньги могут взять в подряд фруктовый сад и рыбный пруд». Но это нередко осуждается окружающими. «Они потеряли поле, и Небо с них за это спросит, — приводятся в рассказе Вэй Вэй слова одного крестьянина по такому поводу. — С тех пор как Паньгу¹² сотворил мир, не было ни одного крестьянина, который бы не работал в поле. Чего всё с ног на голову-то переворачивать», возмущается он [3, с. 312].) И именно, думается, вторая составляющая реформ — «открытость» не только способствует этому, но и помогает лучше понять происходящие в стране изменения. Это особенно заметно по произведениям молодых авторов, поднимающих многие как современные проблемы, так и затрагивающих ранее замалчиваемые темы. В том числе, произведения современных китайских авторов показывают, как миграционные процессы сказываются на привнесении «новых ветров» в малые города и в более отдалённые районы, до которых будто бы с опозданием доходят реформы. Примечателен в этом смысле рассказ «Женщина Да Лаочжэна» [3] о «древнем городке»

---

¹² Паньгу — первопредок человечества в китайской мифологии.

близ Гуанчжоу, где, как считали его жители, «не то место, где что-то меняется». А через какое-то время после доносящихся в городок разговоров про реформы, «сюда стали приезжать люди из других мест, они приезжали налаживать бизнес (кто-то богател, кто-то прогорал, в конце концов, одна партия приезжающих уезжала, а взамен прибывала новая)» [3, с. 297]. Эти люди одевались иначе, вели себя совсем по-другому, «казалось, что им удалось повидать мир. В общем, с их появлением наш городок обрёл новое дыхание, что заставило нас вспомнить такие слова, как „раскрепощение“, „приморский район“, „Гуандун“ и т.п.» [3, с. 298]. А началось всё — с Салона красоты, сиречь парикмахерской, открытой двумя весьма предприимчивыми пришлыми молодыми особами! В стране появляются частные предприниматели, самого разнообразного калибра и направления деятельности.

Не менее интересно (и современные литературные произведения информируют нас об этом), что в стране происходят весьма заметные изменения и резкое увеличение числа специальностей в реестре профессий. Развивающаяся промышленность страны, а также увеличивающееся представительство иностранных компаний приводят к расширению перечня востребованных работников технических сфер. А в зависимости от предприятия, на котором заняты китайцы, возникают новые слои среди традиционного рабочего класса — с существенной разницей в квалификации и уровне зарплаты. Появляются комиссии по разрешению трудовых споров; не менее интересно, что в Китае становятся востребованными адвокаты, специализирующиеся на сфере трудовых споров (из повести «Государственный заказ» Ван Шиюэ мы узнаём, что в ряде мест это касается и занятых на некрупных частных предприятиях [2]). То есть происходит выделение некоторых групп рабочих в некий новый слой — новый как по уровню защиты своих прав, так и по уровню взаимодействия с нанимателем, что не может не способствовать становлению самосознания этих работников. В старых терминах, думаю, можно говорить о зарождении в Китае нечто подобного «рабочей аристократии»¹³. Колоссальное строительство в стране увеличивает спрос на работников различных строительных специальностей, и по месту работы, по уровню оснащённости их работы и прочим показателям, представляется, также происходит расслоение и в этой категории

---

¹³ Многие сейчас считают это вовсе не научной категорией. Под понятием «рабочей аристократии» ранее выделялись в капиталистических государствах высокооплачиваемые категории рабочих, «оторвавшиеся от масс и находящиеся под влиянием буржуазной идеологии».

занятых. Верно, аналогичный процесс происходит и в среде технической интеллигенции. Можно, думается, говорить о появлении так называемого офисного планктона — низшего и среднего звена менеджеров с хорошей зарплатой, а стало быть с возросшим уровнем потребления, с иными ценностями и запросами.

Изменение стиля жизни в стране приводит к появлению людей, занятых новыми видами деятельности. В произведениях Вэй Хуй [4; 5] мы узнаём о наличии кабинетов психоаналитиков (во всяком случае, в Шанхае), которые открываются в том числе и в крупных учебных заведениях. Китайская проза упоминает о киллерах, численность которых была уже отнюдь не маленькой в начале нынешнего столетия. Что интересно, к 2004 году у одного из них — главного героя повести «Красные туфельки» стаж «работы» составлял уже более 30 лет; числительствовала «контора», в которой он получал задания и оплату сделанной «работы» [17]. Дела, которые ему поручали, не дают основания связывать эту профессию напрямую с результатами экономических реформ (столь знакомую нам по ситуации 90-ых годов), поскольку текст свидетельствует, что «герой» выполнял в некотором смысле бытовые поручения (убить, к примеру, по заказу жены известного писателя его любовницу; и вообще он признаётся, что женщин убивал часто, и не помнит, скольких убил). Однако думается, коли есть киллеры, весьма вероятно, могли быть и иные «задания». В стране появился спрос на визажистов, дизайнеров; массажные салоны открываются чуть ли не на каждом шагу.

Растёт численность актёров разнообразных жанров, развивается рекламный бизнес, расцветает шоу-бизнес. Издаётся множество газет и журналов, стало быть, увеличивается количество журналистов в стране. Одних только литературных изданий насчитывается более 600 (не говоря уже о приблизительно 500 специализированных литературных сайтах, которые также требуют определённых специалистов и по дизайну, и по техническому обслуживанию). А число писателей уже перевалило за миллион (правда, в Союзе китайских писателей состоит всего 10 000), публикуются их произведения на самые разнообразные вкусы, и про женские проблемы пишут вовсе не только писательницы. Издательский бизнес вновь на подъёме, не только государственный, но и частный, и так называемый пиратский (одновременно, конечно, растёт количество издательских и типографских работников). Сегодня Китай считается большой литературной страной. Из полутора миллиардов жителей (как говорит официальная статистика) около 80% читают художественную литературу. Ежегодно публикуется более 15 000 художественных книг тиражом более 16 миллионов экземпляров, из которых 3 000 наименований — романы

(объёмы публикаций повестей, рассказов и стихотворений исчислению вообще не поддаются) [14, с. 5]. Много переводится иностранной литературы (кстати, китайская теперь порой мало чем отличается от иностранной по тематике и стилю). То есть в стране всё увеличивается количество авторов, переводчиков, живущих на гонорары различных издательств.

Растёт туристический бизнес: Китай всё больше и больше привлекает жителей Запада. Учитывая это, с китайской стороны был отменён визовый режим для туристических групп, таким образом, увеличилось число туристов, а соответственно и прибыль китайской туристической инфраструктуры. Иностранцы едут осматривать достопримечательности и памятники старины, едут в Шаолинь для обучения практикам, едут на остров Хайнань и в другие славившиеся природной экзотикой места, которых в Китае бесчисленное множество. Да и сами китайцы всё больше и больше выезжают за границу, по разным причинам и по разным странам. Если из страны в 1992 году за рубеж в качестве туристов выехало 2,9 млн. человек, в 2002 году — 16,6 млн. человек, в 2013 — почти 100 миллионов [30]. Можно также говорить о весьма значительных размерах и внутреннего туристического бизнеса. В Китае весьма распространены коллективные туристические поездки сотрудников, в том числе и местных органов власти, и слушателей всевозможных курсов повышения квалификации, и прочих не только постоянных, но и временных объединений (как показано в повести Нань Фэйяня «Красное вино»; а в повести Ван Шиюэ «Государственный заказ» владелец небольшой швейной фабрики после напряжённого выполнения одного заказа обещает всем своим работникам пикник на берегу моря, которого после уже немалого срока работы на этой фабрике никто из мигрантов даже не видел [2]). Туризм — это ещё и расширяющаяся система сервисных служб: отели, кафе и рестораны, производство и продажа сувениров, экскурсоводы и т.п. А в результате немалого количества в стране иностранных коммерсантов, открывающих своё дело, всё увеличивающегося количества филиалов иностранных фирм и приглашённых из-за границы преподавателей вузов, то растёт и количество рабочих мест в сфере бытового обслуживания.

Меняется внешний вид и стиль поведения китайцев. И естественно: изменения, происходящие в обществе, порой более рельефно видны на изменении стиля жизни и на поведении женщин (на которых «опирается полнеба», как говорили и в начале века прошлого, и повторяют нынче). Об одном из примеров возникновения такого нового стиля жизни в 2004 году профессор Даляньского университета Ли Сяоцзян (первая в КНР теоретик, да и практик решения

«женского вопроса») рассказала корреспонденту «Пекин-ревью» [36]: в стране «народилась» новая генерация женщин, известных под названием „городские красавицы“»¹⁴. Этот социальный феномен — яркий пример нарождающегося среднего класса: женщины с успешной карьерой, «белые воротнички», нередко служащие высокого ранга или же хозяева предприятий, немало среди них имеют вузовские дипломы. Конечно, это явление — результат, в том числе, разрушения в ходе реформы господства монополии госпредприятий, что позволяло особенно женщинам определять свою судьбу и работать в частных и иностранных компаниях [36]. Естественно, это касается прежде всего молодых. Новые поколения уже живут иначе, иначе себя ведут, иначе ощущают своё «я» и себя в окружающем мире. А иллюстрируют происходящие изменения в китайском обществе прежде всего литературные произведения, в том числе представителей китайской прозы XXI века. Проза новой генерации литераторов Китая бесспорно является репрезентативными текстами, с определённой формой, пусть и особой, представления знаний о внешней тексту действительности. Эти произведения описывают много интересных явлений, что, на мой взгляд, имеет право и должно быть осмысленным.

В КНР явно происходит формирование так называемого среднего класса. «Средний класс» — понятие, в широком смысле обозначающее социальный слой людей, имеющих средний достаток. Более конкретное содержание данного понятия зависит от того смысла, который в него вкладывают в том или ином случае. В зависимости от эпохи, страны, некоторых нюансов восприятия это понятие может обозначать разные элементы социальной реальности. Среди учёных всего мира постоянно идут дебаты по поводу критериев выделения среднего класса. Чаще всего в качестве основных объективных критериев называют уровень образования и доходов, стандарты потребления, владение материальной или интеллектуальной собственностью, а также способность к высококвалифицированному труду. Кроме этих объективных критериев большую роль играет субъективное восприятие человеком своего положения — то есть его самоидентификация как представителя «социальной середины».

Некоторые китайские социологи и экономисты, определяя «средний класс» в КНР, вообще пришли к выводу, что средний класс в более широком смысле скорее идеологическое, а не экономическое состояние. Авторитетный эксперт Чжан Ваньли выдвигает такие

---

¹⁴ Прекрасно описанные в романе Вэй Хуй «Крошка из Шанхая» (*Шанхай баобэй*, Шэньян, 1999; перевод на русский, см. [4]).

внеэкономические критерии среднего слоя, как определённый интеллектуальный капитал и профессиональная репутация, обладание технической квалификацией, нефизический характер труда, способность к трудоустройству, обладание высшим образованием, дефицитными на рынке труда профессиональными навыками, служебные полномочия. И лишь где-то в-пятых и в-шестых он упоминает уровень доходов и состояния, выделяя «способность обеспечить среднее личное и семейное потребление, предоставить необходимые материальные условия для удовлетворения высоких духовных и культурных потребностей членов семьи на основе разрешения проблемы обеспечения питанием и одеждой» (цит. по: [8, с. 15]). Российский учёный так характеризовал средние слои Востока: «лица, не владеющие средствами производства, но обладающие образованием, знаниями и квалификацией, необходимыми для организации, ориентации и удовлетворения потребностей экономической и духовной жизни современного общества» [9, с. 318]. Весьма неопределённо, на мой взгляд, высказывался о среднем классе и Алексей Арбатов (на одном из съездов партии «Яблоко»): он подчеркнул, что о среднем классе нужно судить «не по доходам, а по статусу», без расшифровки в данном случае понятия «статус». Но мне хотелось бы выделить прежде всего — «не по доходу». Тем не менее, «несмотря на всю явную и скрытую национальную специфику, связанную с высокой степенью бюрократизации быстро развивающейся рыночной экономики, понятие „средний класс“ постепенно распространяется в прежде аскетическом Китае. Этот новый слой ломает прежние категории классового общества, в котором существовали только рабочие, крестьяне, военнослужащие и кадровые работники, облачённые в синие, серые и зелёные *дань* — своего рода спецовки. А все остальные относились к буржуазии и по определению подлежали „вычищению“» [8, с. 15].

Образ жизни, стиль поведения, ценностные ориентации молодых поколений подвергаются резкой критике в официальной печати. В развернувшейся критике, скажем, ещё по поводу романа «Крошка из Шанхая» более всего вызывало раздражение то, что «читая этот роман, просто не можешь понять, где всё это происходит. В Шанхае? В городе, где, как и во всём Китае, строят социализм? (Напомним, что роман вышел в последний год прошлого столетия. — Э.С.) У героев нет иной цели в жизни, кроме секса, кроме получения собственного удовольствия» [27, с. 33], ибо «они живут по принципу „куда тебя зовут твои чувства, туда и иди“». Конечно, герои — возможно, весьма немногочисленная группа шанхайской молодёжи (тем паче, по сравнению с колоссальным населением страны). Но

это люди, в большинстве своём образованные, неплохо знакомы с мировой литературной классикой, фильмами, рок- и прочей музыкой (не менее важно — с текстами их исполнителей), да и сами они себя ощущают частью мировой культуры. Немало представителей этого слоя общества часто либо близки к богеме, либо является её представителями¹⁵. В их кампании нередки и иностранные студенты, и иностранцы — служащие международных фирм.

Как авторы, так и действующие в их произведениях герои принадлежат к поколению, которое живёт в ситуации, когда определённые стереотипы уже нарушены (скажем, «хотя и во время „культурной революции“ политруки пытались убеждать молодёжь, что любовь — классовое чувство, [городская, высланная в то время в деревню молодёжь] вела свободный образ жизни, допуская интимные отношения и без любви» [16, с. 266]). Но, главное — представляется, что эти поколения получили в результате реформы свободу в экономической области: они могут жить на гонорары, открывать модное ателье или иное малое предприятие, они могут работать журналистами или в международных компаниях. Они полны чувством собственного достоинства и независимости. Они получили право жить частной жизнью во всех сферах её проявления, жить в своём индивидуальном мире (ведь это «теперь не карается» [27, с. 3]), многие из них политикой не интересуются, ибо «государство — это тяжело, революция — хитроумна и вообще» [27, с. 35].

Во многих крупных городах Китая, особенно приморских, южных, эта особая, новая группа молодёжи выделяется не только зримыми чертами их стиля и манеры поведения, но и благодаря тем ценностям, целям и даже трудностям, с которыми они сталкиваются в своей жизни. «Городские красавицы», самостоятельные, независимые женщины образуют стайки, которые можно видеть сидящими после работы на террасах кафе и ресторанов. Естественно, не все реализовавшие себя, успешные женщин примыкают к так называемым городским красавицам (являясь тем не менее представительницами

---

¹⁵ Представителей этой социальной прослойки иногда называют «интеллектуальными пролетариями», иногда они обвиняемы, что явствует из самого названия этого слоя, в «цыганщине» (а, судя по пушкинскому произведению «Цыгане», для цыгана свобода равна жизни). Некоторые констатируют, что эта социальная группа и до сих пор играет значительную роль в истории литературы. Есть мнение, что это люди, «насытившиеся автоматизмом усреднённого существования, проявляют потребность к эпатажирующим формам поведения, романтическому декадентству, разбивающему педантизм «домашних добродетелей» [31].

среднего класса). Так кузина главной героини «Крошки из Шанхая», представительница технической интеллигенции, после развода вначале с интересом и восхищением влилась в её компанию (но после неудачного брака с художником вернулась к более упорядоченной жизни). Вообще определённая часть преуспевающих женщин, в силу собственного темперамента, семейных обязанностей, строгости дресс-кода фирм, в которых они работают, обычно не очень лестного мнения об этой категории женщин, они, как и представители «простого народа», не отделяют «городских красавиц» (зарабатывающих частным трудом либо в собственном бизнесе, либо работающих в крупных фирмах) от женщин, имеющих иные формы дохода.

В этой связи нельзя не упомянуть о ещё одной, так же ставшей заметной и немалой группе таких же модных и раскованных женщин, как будто сошедших с рекламных баннеров мировых фирм и страниц глянцевого журналов (но скорее всего отличающихся от «городских красавиц» по уровню образования и культуры): это шанхайские элитные проститутки, «работающие» преимущественно с иностранцами (о чём писала и Вэй Хуй [4, с. 99]). К этой категории также следует отнести и тех женщин, которых называют «вторыми жёнами» (но единого устоявшегося термина их обозначения нет пока — *эр най*, *цинфу*, *сяосань* или *сяоми* [33]), то есть содержанки, любовницы преимущественно чиновников, порой весьма высокого ранга. Некоторые авторы говорят «о возрождении обычаев Старого Китая: наличие наложниц и вторых жён у мужчин, обладавших властью и богатством, что ранее освящалось конфуцианской традицией и всем укладом жизни». Другие указывают на то, что «*бао эр най* (содержание второй жены. — Э.С.) представляет собой часть более широкого феномена современной проституции в китайском обществе и связано с масштабными миграционными процессами в пореформенном Китае, когда миллионы людей в поисках лучшей доли переезжали из сельских районов в города, а также из бедных внутренних провинций в приморские регионы». Но «как социальное явление феномен „вторых жён“ сформировался на фоне бурного экономического роста в годы реформ» [33].

К сожалению, как и «городские красавицы, так и эта категория женщин — «продающих свою молодость и улыбку» (так по китайской иносказательной традиции называют нередко в Китае проститутки, содержанки, «вторых» и «временных» жён), по мнению «простых» людей, — броские бездельницы, и не столь уж для таких оценок важно, каким образом они зарабатывают явно не маленькие деньги, но они явно не обременены семейными обязанностями. Эти посетительницы кафе и ресторанов, с обывательской точки зрения,

являются единым массивом. Как говорит героиня романов Чжоу Вэйхуй (одна из представительниц именно «городских красавиц» — самостоятельная, востребованная журналистка, считающая себя во всём равной мужчинам, к которым общественное мнение всегда относилось более благосклонно, больше прощая в сексуально-моральных отношениях), иногда она ощущает волну негативных эмоций, направленных на неё саму в том числе [4, с. 99].

Как показывает современная китайская проза, обычно современные молодые люди рано отделяются от своих родителей и живут независимо. Представители этого поколения либо в силу обстоятельств отторгнуты от семьи, в том числе и потому, что многие китайцы, их родители, уехали за границу искать заработка (что, правда, позволяет их детям, оставшимся в КНР, безбедно существовать на родительские денежные переводы). Другие — предпочитают сохранять дистанцию в отношениях с родителями. Но даже при бытующих вполне уважительных и сердечных отношениях с родителями некоторые из современной молодёжи говорят, что родительская любовь не только согревает, но ещё и сильно угнетает. Крошка из Шанхая признаётся, что «иногда хотелось вернуться в материнское лоно, свернуться там калачиком и забыть обо всех взрослых огорчениях и обидах, но одновременно страшно тянуло вскочить и во что бы то ни стало вырваться из-под этого огромного, заботливо и любовно воздвигнутого [родителями] купола... хотелось, чтобы оставила меня в покое» [4, с. 176]. Но главное — молодые люди декларируют совершенно разные представления о жизни с представителями старшего поколения, ибо — «поколения разделяет пропасть длиною в век» [18, с. 18]. Само сообщество, в котором осуществляется жизнь этой молодёжи, состоит в силу его специфики из весьма атомизированных особей, скреплённых скорее времяпрепровождением, нежели чем-либо иным. Эта молодёжь интернациональна по сути, как в результате усвоенной западной культуры, так и в результате всё увеличивающихся контактов с представителями западного мира. Молодые люди интернациональны настолько, что даже вековые межнациональные счёты, к примеру, стереотип «исторически китайцы недолюбливают японцев», их беспокоят гораздо меньше [5, с. 27]. И даже, по свидетельству героини «Крошки из Шанхая», например, в Шанхае любят всё японское. Сердца местных жителей, считает она, давно и безраздельно завоевали песни Амуро Намиэ, книги Харуки Мураками, телешоу Такуя Кимуры, а также бесчисленные комиксы и электробытовые приборы японского производства, буквально наводнившие город. Героиня романа признаётся, что ей нравится японская кухня и косметика, такая «свежая и

изысканная» [5, с. 113, 114]. Однако, совсем немного нужно, чтобы со дна их исторической памяти поднялось воспоминание о бывшем в не так уж далёкие времена унижении национального достоинства китайцев (вспомнить, в том числе, что при входе в так любимые ими рестораны и гостиницы ещё колониальных времён или стилизованные под оные, где они нередко проводят в том числе ностальгические вечеринки, в старину висели таблички «Китайцам и собакам вход воспрещён» [4, с. 84]).

При этом, естественно, связь с родной культурой вовсе не прерывается. Так или иначе, но современные авторы цитируют или проводят некие параллели с героями или ситуациями национальной истории, приводят стихи национальных поэтов весьма далёких времён (что, как сказал один китайский рецензент, даже если эти отсылки хотя бы пару человек склонят к обращению к первоисточнику, это уже может считаться большим шагом в культуртрегерстве этих авторов [15, с. 5]).

Что касается браков, то на окружение новой молодёжи преимущественно не оказывает влияние семья в выборе партнёра, они сами решают, выходить ли им замуж или не выходить, надо ли иметь детей или оставаться бездетными. «Холостяцкая жизнь» для них — это скорее своеобразная индивидуальная ценностная ориентация, собственный выбор в жизни. Многие из них не желают выходить замуж/жениться, поскольку не надеются найти ту эмоционально-духовную составляющую семейной жизни, на отсутствие которой часто жалуются замужние женщины (да и мужчины) при опросах социологов и этнологов. Молодёжь предпочитают одинокую жизнь, а не проблемы «личных трудностей». Сегодня многие проживающие в городах молодые китайцы рано приобретают сексуальный опыт. Они без смущения живут в гражданском браке и до женитьбы меняют не одного партнера. «Политические изменения всегда можно проследить на основе личной и интимной жизни» — считает историк, руководитель просветительских и образовательных программ Международного Мемориала Ирина Щербакова. — «Это хорошая лакмусовая бумажка» [38]¹⁶. Однако из КНР нынче просачиваются

---

¹⁶ Только в тоталитарных режимах интимная жизнь граждан является предметом государственной политики, об этом писал ещё в 30-х годах известный ученик Фрейда — Вильгельм Райх. Марксизм, на основе которого пытались строить социалистическое будущее, провозглашал неотъемлемую сексуальную свободу. Поэтому одним из первых декретов большевики ещё в 1917 году отменили церковный брак, упростили процедуру регистрации и уравнили обычный и гражданский браки. Большевики стремились к утопии

сведения, что «государство озаботилось столь широким распространением подобных связей, и во властных структурах всерьёз обсуждают вопрос юридического оформления их незаконности» [37].

Стиль жизни этих молодых шанхайцев (и других больших городов в той или иной степени тоже, и чем крупнее и южнее город — тем более) практически мало чем отличается от стиля жизни их поколения в любом мегаполисе мира. Один рецензент романа Вэй Хуй «Замужем за Буддой», не помню точно, то ли в ирландской публикации, то ли в австралийской, при вообще-то не очень благожелательной оценке этого произведения, заканчивал явно саркастически фразой: «Если вы хотите удостовериться, что дихотомия Восток-Запад уже более не актуальна, читайте этот роман» [35].)

В романе Вэй Хуй *Шанхай баобэй* есть интересное замечание героини (не исключено, что это одновременно — и признание автора) о так называемых «городских красавицах». «Они ответственные и добросовестные работники, в быту и в личной жизни стараются всегда быть на высоте, стремятся во всём походить на идеал независимой, уверенной в себе, состоятельной и внешне привлекательной современной женщины. На собственном опыте они пытаются доказать правильность рекламного слогана компании „Эрикссон“, исполненного Энди Лоу: „Вам подвластно всё“. Им хочется быть живым воплощением рекламного имиджа профессионально компетентной женщины, чью уверенную и спокойную улыбку в рекламных роликах компании „Де Бирс“ оттеняет мерцание бриллиантовых колец на пальцах и мужской голос за кадром, произносящий: „Блеск уверенности, сияние красоты“». Но, написано далее, «наряду с этим им хочется покоя и надёжности» [4, с. 186]. Из чего можно сделать вывод, что в поддержании этого рекламного имиджа есть и определённые, мягко говоря, «издержки».

В новой китайской литературе содержится много интересного, что, на мой взгляд, имеет право быть осмысленным. Да и в редакционной статье *Кайфана* (ещё в конце прошлого века) утверждалось, что коли роман «Крошка из Шанхая» активно дебатировался в среде китайской молодёжи, то это требует признать его как «симптом социального и культурного, а вернее социокультурного явления, и в силу этого подвергнуть серьёзному осмыслению» [27, с. 39]¹⁷. То

по Чернышевскому: где нет семьи, сексуальные связи — по желанию, а дети воспитываются не родителями, а коллективно. «Но концепция сексуальной свободы просуществовала недолго...» [38].

¹⁷ Как говорил Александр Генис, русский писатель, эссеист и литературовед, даже «поверхностные веяния поп-культуры всегда выдают подспудное

же, несомненно, относится и к произведениям последующих поколений писателей, тем паче — уже XXI века.

Нынче в многоукладной КНР (как, впрочем, и в России) складывается мозаика из очень патриархальных, местами фундаменталистских элементов, но на этом фоне появляется всё больше новых тенденций (как бы ни был мал их процент по отношению к большинству населения), и это говорит о тенденциях развития КНР может быть даже больше, чем любые статистические показатели.

Литература

1. *Абилекова Г.К.* КНР в эпоху реформ Дэн Сяопина // KazNU Bulletin. Oriental serie (Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан). 2012. № 1 (58).
2. *Ван Шюэ.* Государственный заказ // Сорок третья страница. Китайская проза XXI века. СПб.: КАРО, 2011. С. 201–251.
3. *Вэй Вэй.* Женщина Да Лаочжэна // Сорок третья страница. Китайская проза XXI века. СПб.: КАРО, 2011. С. 296–318.
4. *Вэй Хуй.* Крошка из Шанхая. М.: Столица-Принт, 2006.
5. *Вэй Хуй.* Замужем за Буддой. М.: Столица-Принт, 2006.
6. *Дэн Сяопин.* Строительство социализма с китайской спецификой. М.: Наука, 1997.
7. *Желоховцев А.Н.* Пятнадцатилетие литературы нового периода в Китае // XXVII НКОГК. М., 1996.
8. *Кириллов А.* Ганьбу и другие // Огонёк. 2007, № 35.
9. *Ланда Р.Г.* Социология современного Востока. М., 2006.
10. *Мажурина К.В.* Некоторые тенденции в творчестве Чжан Цзе // XXIX НКОГК. М., 1999.
11. *Мажурина К.В.* Тема «женского сознания» в творчестве Чжан Цзе // XXX НКОГК. М., 2000.
12. *Нань Фэйянь.* Красное вино // Красное вино. Сборник произведений молодых китайских писателей. СПб.: Институт Конфуция в СПбГУ; КАРО, 2014. С. 9–73.
13. *Омурова Б.Н.* Реформы Дэн Сяопина и их значение в истории современного Китая // Вестник КРСУ (Кыргызско-Российского Славянского университета). Бишкек, 2014. Том 14. № 6.
14. *Родионов А.А.* Молодая кровь китайской литературы // Красные туфельки. Сб. произведений молодых китайских писателей. СПб.: КАРО, 2014.
15. *Цзян Жун.* Волчий тотем. М.: Мир книги, 2007.
16. *Чжан Жун.* Дикая лебеди, или Три дочери Китая // Иностранная литература. 2005, № 9.

движение более глубоких пластов жизни, залегающих в таинственной толще коллективного подсознания» [39].

17. *Чжан Юэжань*. Красные туфельки // Красные туфельки. Сборник произведений молодых китайских писателей. СПб.: Институт Конфуция в СПбГУ: КАРО, 2014. С. 74–101.
18. *Вэй Хуй*. Шанхай баобэй (Крошка из Шанхая). Шэньян, 1999.
19. *Вэй Шичин*. Нюйсин чулу юй Чжунгодэ вэйлай минъюнь (Выход для женщин и будущая судьба Китая) // *Чжунго фунюй*. 1988, № 5.
20. *Ли Сяоцзян*. Нюйсиндэ шэнхо даолу (Жизненный путь женщины) // *Чжунго фунюй*. 1986, № 3.
21. *Ло Сяолой, Чжао Инин*. Чжунго фунюй вэньти лилунь яньцзюдэ сяньчжуан цзи фачжань (Нынешнее положение и перспективы теоретического изучения женского вопроса) // *Ляован*. 1986, № 51.
22. *Люй Сюлянь*. Синь нюйсинчжуи (Новый феминизм). 1986.
23. Бэйцзин дасюэ сюэбао. Чжэнсюэ шэхуй кэсюэ бань (Вестник Пекинского университета. Философия и общественные науки). 1997, № 2.
24. *Demido Nina*. Elements of Modernity and Traditionalism in Women Characters in Contemporary Chinese Women Literature // *Chinese Traditional Civilization and the Contemporary World*. М., 2002.
25. *Frick Heike*. «Frauenwissenschaft» als Diskurs zwischen Theorie und Praxis: Tendenzen der Frauenforschung in der VR China // *Frauenforschung in China. Analysen, Texte, Bibliographie*. Hrsg. von Heike Frick.... Munchen, 1995.
26. *Kaifang* (Open Magazine). Hong Kong. 2000, № 7.
27. *Larson Wendy*. Writing and Women in Modern China. Stanford, 1998.
28. *Sausmikát Nora*. Li Xiaojiang und ihre feministische Theorie // *Frauenforschung in China. Analysen, Texte, Bibliographie*. Hrsg. von heike Frick.... Munchen. 1995.

Интернет ресурсы

29. *Александрова Марина*. Туризм как форма «мягкой силы». Проблемы китайского путешественника в России // <http://www.odnako.org/blogs/turizm-kak-forma-myagkoj-sili-problemi-kitayskogo-puteshestvennika-v-rossii/comments/>
30. Большой толковый словарь по культурологии / под ред. *Б.И. Кононенко*. «Вече», М., 2003 // http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/964/%D0%91%D0%BE%D0%B3%D0%B5%D0%BC%D0%B0
31. *Дэн Сяопин*. Основные вопросы современного Китая. Пекин. Изд. Литературы на иностр. яз. 1987 // <http://www.skmrf.ru/library/libraryfiles/dxp.htm>
32. *Карнеев А.* Охота на тигров // http://lenta.ru/articles/2014/05/12/china_corruption
33. *Шакирова С.* Полнеба на плечах женщин // <http://inf.by/fc/10/?mode=print/>
34. http://www.authortrek.com/zhou_wei_hui_page.htm
35. [http://www.bjreview.com.cn/200405/Cover-200405\(B\).htm](http://www.bjreview.com.cn/200405/Cover-200405(B).htm)
36. <http://ru.gullivay.org/public/wiki/asia/east-asia/china>
37. <http://www.novayagazeta.ru/politics/66007.html?p=4>
38. <http://www.svobodanews.ru/Article/2008/02/06/20080206152834410.html>
39. <http://www.vmdaily.ru/article.php?aid=34911-47k>

Elvira Sinetskaya*

**Some social phenomena of post-reform China
(in the context of the reform & opening up policy)**

ABSTRACT: Reform & opening up policy resulted not only in the reform of foreign relations (which was the main purpose thereof), but influenced as well various spheres of the PRC social life. New Chinese literature of the post-reform China, generated among other things by the reform & opening up policy, is the evidence of the specific social transformation occurred after the Chinese economic reform was launched, and in particular, it reveals certain changes in the Chinese society stratification and mode of life of the present Chinese.

KEY WORDS: Reform & opening up policy, new Chinese literature, post-reform social phenomena.

* Sinetskaya Elvira, Cand. of History, China Department, Institute of Oriental studies, RAS, Moscow, Russia. E-mail: elvirasin@mail.ru